

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ

УДК 94(470) «18/19»

Л.М. Дамешек, И.Л. Дамешек

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСКИЙ КОРПУС СИБИРИ: СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ

Рассматриваются возникновение и развитие генерал-губернаторской власти в Сибири в XIX в. Дается социальный портрет (возраст и сроки пребывания в должности, карьера после отставки, участие в боевых действиях, дипломатическая и иного рода служба до назначения, сословное происхождение, обладание титулами, образование, имущественное положение и размеры жалования) генерал-губернаторов Сибири.

Ключевые слова: Сибирь; управление; власть; генерал-губернаторы; социальный портрет.

Возникновение генерал-губернаторской власти как политической силы непосредственно связано с тотальной системой государственных преобразований и первой областной реформой Петра I в частности, важнейшей задачей которой стало выстраивание эффективной вертикали власти на всей территории складывающейся империи. С первых десятилетий своего существования она, наряду со столицами, получает «прописку» на окраинах государства, заселенных в значительной степени нерусскими народами. Сама основа этой системы управления базировалась на рационалистической идеологии полицейского государства, предусматривающей регламентацию всех сторон жизни общества. Дальнейшее конституирование института генерал-губернаторской власти приходится на вторую половину XVIII в. и связано с губернской реформой императрицы Екатерины II. Для управления губерниями был создан институт государственных наместников, или генерал-губернаторов, которым непосредственно подчинялись правители губерний, т.е. губернаторы. В ведении наместника обычно находились 2–3 губернии, а всего страна была разделена на 20 наместничеств. Новая система в значительной степени способствовала децентрализации управления, поскольку в генерал-губернаторствах была образована сложная система учреждений, в то время как в столице, в Сенате, был сосредоточен лишь общий надзор. Генерал-губернаторы были носителями монаршей воли, обладали необъятными полномочиями, вплоть до ведения вопросами внешней политики, поэтому их личности заслуживают специального исторического анализа. В статье дан обобщенный социальный портрет генерал-губернаторского корпуса Сибири.

Основным источником для исследования послужили опубликованные формулярные списки гражданских чинов и генералов России, а также биографические сведения о генерал-губернаторах, сохранившиеся в фондах местных и центральных архивов. Основным методом исследования явился сравнительно-исторический.

Генерал-губернатору были подчинены важнейшие учреждения подведомственной территории: уголовная,

гражданская, казенные палаты, он отвечал за организацию казенных сборов, рекрутские наборы и т.д. Генерал-губернаторам пограничных территорий особо поручалось «бдение от соседей». Изначально все «государевы наместники» были обязаны лично представлять императрице ежегодные отчеты («рапорты») о «благополучном состоянии губерний, о спокойствии и безопасности в них, и о всех чрезвычайных, важных и примечания достойных происшествиях... ежемесячно». При этом Иркутскому и Колыванскому генерал-губернатору И.В. Якоби из-за отдаленности было разрешено присылать эти донесения через курьеров, на что из казны выделялось 15 000 руб. в год. Со времени Петра I и вплоть до 1917 г. кандидатуру генерал-губернатора утверждал непосредственно император. В большинстве случаев это был выбор самого монарха, противиться которому было невозможно. Потенциальный генерал-губернатор был, как правило, лично хорошо известен императору, вполне доказал свою политическую благонадежность и преданность идеалам монархии.

Кроме того, немалое значение придавалось послужному списку кандидата. Генерал-губернатор являлся не кем иным, как представителем самого императора на конкретной территории, проводником имперской политики и идеологии. Эта ситуация была неизменной на протяжении двухсот лет существования генерал-губернаторской власти. В инструкции генерал-губернаторам конца XIX в. четко указывалось, что «они суть главные блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавия, пользы государства и точного исполнения законов и распоряжений высшего правительства по всем частям управления во вверенном им крае».

В ходе введения института наместников, впоследствии генерал-губернаторов, в деятельности генерал-губернаторов окраинных территорий можно наблюдать специфические обязанности, которых не было у их коллег из внутренних губерний империи. Большая часть этих функций вытекала из особенностей экономического развития и геополитического положения этих регионов. Возникнув в период Петровских преобразований преимущественно как административно-

хозяйственная, к началу эпохи «великих реформ» генерал-губернаторская власть приобрела чрезвычайный политический характер. Она не прижилась в Европейской части страны, но получила дальнейшее развитие на окраинах, в местностях, на особом положении управляемых. В соответствии с теорией «местных особенностей» в середине XIX в. к таковым были отнесены губернии сибирские, Оренбургская, кавказские, Новороссийский край, Лифляндия, Эстляндия и Курляндия. Отмеченные особенности географии генерал-губернаторской власти в империи не являются случайными. Нам уже приходилось обращать внимание на то обстоятельство, что российская модель управления окраинами формировалась и развивалась параллельно с процессом складывания территории государства. Характерными чертами этого процесса были его полиэтничность и многовариантность вхождения окраинных земель в состав России. Эти обстоятельства и порождали особенности местного управления. Наступление же русской цивилизации на данной окраине приводило к отмиранию самой идеи особых правил для конкретной территории. Однако на новых землях «особенные» порядки устанавливались вновь. Во внутренней политике империи можно отчетливо наблюдать стремление к административно-финансовой унификации, с одной стороны, и необходимость учета территориальных и национальных особенностей окраин государства – с другой. Способность российской государственности учитывать эти «своеобразия» в практике административно-территориального устройства, законодательстве, конфессиональной политике обеспечивала не только эффективность и устойчивость имперского механизма управления, но, в конечном итоге, и само существование империи как таковой.

За период существования (1822–1887 гг.) генерал-губернаторства Восточной Сибири (с 1887 по 1917 г., Иркутского) и генерал-губернаторства Западной Сибири (1822–1882 гг.) на должностях главных начальников края побывали соответственно 19 и 9 человек. Произведя необходимые расчеты, увидим, что средний срок пребывания на должности генерал-губернатора составлял около 6 лет. Это показатель вполне сопоставим с другими генерал-губернаторствами Азиатской России. Так, например, в Приамурском генерал-губернаторстве (1884–1917 гг.) он составлял 5,5 лет, в Степном (1882–1917 гг.) – 6 лет, в Туркестанском (1867–1917 гг.) он был несколько ниже – 4 года.

Аналогичная картина прослеживается и в других окраинных генерал-губернаторствах империи. В Варшавском он составлял примерно 4,3 года, на Кавказе – 6 лет, в Финляндии – 7,6 года. Обращают на себя внимание личности, которые возглавляли «вверенные» им генерал-губернаторства по 10 и более лет. В Восточной Сибири ими были А.С. Лавинский, В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев, М.С. Корсаков и А.Д. Горемыкин, в Западной Сибири – Г.Х. Гасфорд и П.Д. Горчаков. Среди «долгожителей» других азиатских генерал-

губернаторств следует выделить первого Туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана (1867–1882 гг.), И.И. Воронцова-Дашкова на Кавказе (1905–1916 гг.), Ф.Ф. Штейнгеля (1810–1823 гг.) и Н.В. Адлерберга (1860–1881 гг.) в Финляндии. Рекорд по продолжительности службы на посту генерал-губернатора принадлежит А.С. Меншикову, который возглавлял Великое княжество Финляндское 24 года (1831–1854 гг.) Случаи пребывания в должности генерал-губернатора в течение года или менее были крайне редки. Источники зафиксировали лишь один такой факт, связанный с именем А.С. Сулимы, который пробыл генерал-губернатором Восточной Сибири всего 9 месяцев, но затем был переведен на аналогичную должность в Западную Сибирь. Характерное для правительства стремление менять губернаторов в годы кризисных народных волнений и революционных событий [1. С. 88] не прослеживается на уровне генерал-губернаторов. Наоборот, в годы острых общественно-политических кризисов, например 1879–1881, 1905–1907 гг., в России учреждаются временные генерал-губернаторства с весьма широкими полномочиями их главных начальников. Иными словами, генерал-губернаторское правление на окраинах империи выглядело весьма стабильным.

Генерал-губернаторы Сибири не только формально, но и на деле были верхушкой местной правящей бюрократии. Все генерал-губернаторы, за исключением трех, были военными в чине генерал-лейтенанта или полного генерала, что соответствовало 3-му и 2-му классам Табели о рангах. В Восточной Сибири служили три штатских генерал-губернатора: А.С. Лавинский (1822–1833 гг.) имел гражданский чин тайного советника, что соответствовало званию генерал-лейтенанта; равный чин, но по придворному ведомству – егермейстера – имел М. Князев (1910–1916 гг.). Лишь последний иркутский генерал-губернатор А.И. Пильц был действительным статским советником, что соответствовало званию генерал-майора.

Таким образом, сибирские генерал-губернаторы на деле принадлежали к верхушке правящей бюрократии не только Сибири, но и России в целом. По возрасту на момент назначения они распределялись следующим образом: от 35 до 40 лет – двое, от 40 до 50 лет – шестеро, от 50 до 60 – девять и старше 60 лет – трое. Таким образом, больше половины генерал-губернаторов были старше 50 лет. Средний возраст генерал-губернаторов в Восточной Сибири составлял 43 года, в Западной Сибири он был существенно выше – 53 года. Эти цифры вполне коррелируются с общероссийскими показателями. Для большинства генерал-губернаторов служба в Сибири стала пиком служебной карьеры. Лишь пять человек продолжили службу далее, причем двое на таких же должностях: так, Сулима в 1834 г. был переведен генерал-губернатором из Восточной в Западную Сибирь, а Игнатьев в 1889 г. назначен Киевским, Подольским и Волынским генерал-

губернатором. Службу в армии продолжил Капцевич – в качестве командира отдельного корпуса внутренней стражи, Мещеринов командовал войсками Казанского военного округа, а Горчаков принял активное участие в Крымской войне. Для большинства генерал-губернаторов после отставки следовало назначение в Государственный совет – 9 человек, Сенат – 3 человека, или иные почетные комитеты. Никто из генерал-губернаторов, за исключением Руперта, не был отдан под суд или отстранен от должности за служебные упущения. На Дальнем Востоке, в Степных и Туркестанских областях должности генерал-губернаторов занимали исключительно военные, что было связано со сложными приграничными отношениями России с соседями в этих регионах. К сожалению, не все послужные списки сохранились до наших дней. Тем не менее из оставшихся из них видно, что генерал-губернатором Сибири, как и других азиатских окраин империи, мог стать лишь человек, прошедший хорошую бюрократическую лестницу гражданской или военной службы. Сибирские генерал-губернаторы, особенно первой половины XIX в., отнюдь не были паркетными генералами. Как правило, они принимали участие в военных компаниях России того времени. Так, например, первый западносибирский генерал-губернатор П.М. Капцевич (1822–1827 гг.) в качестве командира пехотных полков участвовал во всех известных сражениях Отечественной войны 1812 г. (Смоленск, Бородино, Малоярославец, Лейпциг), за что был отмечен многими боевыми наградами, в том числе орденами Св. Георгия 2-й и 3-й степеней и золотой шпагой с бриллиантами. Его приемник на этом же посту И.А. Вельяминов (1827–1834 гг.) за «отличия» в сражении под Аустерлицем был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Активным участником борьбы с наполеоновским нашествием был генерал-губернатор Восточной, а затем Западной Сибири А.С. Сулима. Он принимал участие в сражениях под Аустерлицем, Витебском, Смоленском, Бородино, Тарутино, Кенигсбергом, Дрезденом, Лейпцигом, был дважды ранен. За участие в войне с Наполеоном Н.С. Сулима был отмечен многими наградами, в том числе орденом Св. Георгия 3-й степени и золотой шпагой с надписью «За храбрость». Не случайно портреты Капцевича, Вельяминова, Сулимы помещены в портретной галерее героев войны 1812 г. в Эрмитаже.

В военных действиях участвовали и многие другие сибирские генерал-губернаторы: С.М. Броневский сражался в 1804–1805 г. на Кавказе, штурмовал крепости Дербент и Баку; П.Д. Горчаков отличился в Русско-шведской войне в 1808–1809 гг., сражении под Рушуком в Молдавии в 1810 г.; В.Я. Руперт участвовал в Русско-турецкой войне 1811–1812 гг. и заграничных походах русской армии 1813 г. Как видим, генерал-губернаторы Сибири первой половины XIX в. не на словах, а на деле были боевыми генералами. Своим выдвижением на один из самых высоких постов в гу-

бернской администрации они были обязаны репутации, приобретенной в годы войны с наполеоновской Францией.

Таким образом, можно утверждать, что именно армия служила источником формирования генерал-губернаторского корпуса как составной части государственного строя России. Однако никто из генерал-губернаторов до назначения в Сибирь не был с нею знаком, не имел серьезного опыта административно-хозяйственной и управленческой деятельности. Исключением является С.М. Броневский, который до своего назначения генерал-губернатором в 1834 г. прослужил ряд лет на разных должностях в Сибирском казачьем войске, в отдельном Сибирском корпусе и в 1825 г. даже ревизовал канцелярию генерал-губернатора Западной Сибири. Отмечая заслуги Броневского в развитии сельскохозяйственного производства в Сибири, Московское общество сельского хозяйства дважды, в 1822 и 1835 гг., наградило его специальной медалью за «усовершенствование сельского хозяйства» и открытие в г. Омске школы земледелия.

Отсутствие административного опыта многие генерал-губернаторы стремились подменить армейскими командными действиями. Не случайно Руперт еще до своей отправки в Сибирь предложил «ввести в этом крае более военное, нежели гражданское управление», губернаторов впредь назначать из генерал-майоров, а окружных начальников, полицеймейстеров и заседателей – из штаб- и обер-офицеров [2. С. 107]. Между тем при приоритете военно-политических задач административно-хозяйственная деятельность занимала большой удельный вес в повседневных заботах генерал-губернатора. Если к этому добавить сложную географическую конфигурацию, особенности природно-климатических условий региона, плохое состояние коммуникаций, наличие в крае нескольких крупных земельных собственников, становится очевидным, что наличие административно-хозяйственных навыков или отсутствие оных могло оказать существенное влияние на деятельность главных начальников края. Незнание генерал-губернаторами основ управленческой деятельности приводило подчас к принятию весьма спорных решений, граничивших, по отзывам современников, с «совершенным произволом», к вседозволенности любимцев и бесконечной бумажной волоките. Известный сибирский мемуарист этого времени нижеудинский исправник М. Геденштром пишет о «широком произволе» принимаемых генерал-губернаторами решений, нежелании последних считаться с чьим-либо иным, пусть даже правильным мнением [3].

Подобная практика административно-хозяйственной деятельности генерал-губернаторов не оставалась незамеченной в Петербурге. Министры внутренних дел и финансов по мере возможностей пытались оказывать влияние на выбор кандидата императором. Тем не менее назначение генералов на генерал-губернаторские должности продолжалось и во второй

половине XIX в. Однако, как показывает анализ их деятельности, в большинстве своем они оказались более подготовленными к исполнению возложенных на них обязанностей, чем предшественники. Изучение послужных списков генерал-губернаторов свидетельствует о том, что они до своего назначения уже имели определенный опыт гражданского правления. Так, например, Н.Н. Муравьев был Тульским военным и гражданским губернатором; сменивший его М.С. Корсаков до назначения генерал-губернатором в 1861 г. 13 лет прослужил в Сибири, участвовал в знаменитых Амурских сплавах, а с 1855 г. был губернатором Забайкальской области; Д.Г. Анучин с 1865 по 1879 г. служил радомским губернатором, П.И. Кутайсов с 1873 по 1880 г. был нижегородским губернатором; А.Н. Селиванов познакомился с Сибирью во время службы начальником штаба Приамурского военного округа в 1899–1901 гг. Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в Западной Сибири. Н.П. Казнаков до назначения в Сибирь был киевским военным и гражданским губернатором, реформированием системы податей и сборов в качестве офицера Генерального штаба пришлось заниматься Г.В. Мещеринову.

Наряду с вышесказанным следует отметить еще одно требование, которому, по мнению правительства, должны были отвечать генерал-губернаторы Азиатской России, – это наличие опыта, пусть даже небольшого, дипломатической деятельности. Оно логически вытекало из сопредельного положения сибирских областей и губерний, активной внешней политики России на дальневосточных и среднеазиатских рубежах – с одной стороны, и невозможностью детально контролировать и направлять этот процесс из Петербурга – с другой. Ниже мы подробно коснемся этой специфической особенности деятельности сибирских генерал-губернаторов. Сейчас же отметим, что некоторые из них своей предшествующей службой были неплохо подготовлены к исполнению такого рода обязанностей. Так, уже упоминавшийся Д.Г. Анучин в 1879 г. был заведующим гражданскими делами России в Болгарии и в качестве члена официальной российской делегации участвовал в работе Берлинского конгресса. Однако гораздо больший опыт такого рода был у Дюгамеля, который в 30-х гг. XIX в. неоднократно выполнял важные дипломатические поручения Российского правительства в Турции, был генеральным консулом России в Египте, а позже – послом в Тегеране. В то же время среди сибирских генерал-губернаторов второй половины XIX – начала XX в. можно встретить и кадровых военных, жандармских генералов. Таковыми были в Восточной Сибири А.П. Игнатьев и П.А. Фредерикс, в Западной Сибири – Г.Х. Гасфорд. Таким образом, можно констатировать, что в рассматриваемый период сибирскими генерал-губернаторами служили лица, имевшие немалый опыт военно-политической, административно-хозяйственной и даже дипломатической деятельности.

Аналогичную картину можно наблюдать и в «соседнем» Приамурском генерал-губернаторстве. Сохранились послужные списки пяти из шести генерал-губернаторов этого региона. Из их анализа видно, что четверо из пяти в том или ином отношении не были новичками на служебном поприще, имея опыт пребывания на различных руководящих должностях еще до своего назначения генерал-губернаторами. Так, Духовский был военным губернатором Эрзерумской области, Субботич – Закаспийской, Гондатти – Сыр-Дарьинской. Кроме того, Гродеков и Гондатти хорошо знали край еще до своего назначения. Первый ряд лет служил помощником Приамурского генерал-губернатора и в этом качестве ревизовал о. Сахалин, а Гондатти заведовал переселенческим отделом в Приамурье. Любопытно, что карьеры Духовского и Гродекова не завершились на Дальнем Востоке. Позже они оба продолжили службу в качестве генерал-губернаторов Туркестана.

По своему сословному происхождению все сибирские генерал-губернаторы рассматриваемого почти столетнего периода были дворянами, причем четверо из них принадлежали к княжеским (Горчаков), графским (Игнатьев, Кутайсов) и баронским (Фредерикс) родам, а пятый – Н.Н. Муравьев-Амурский – получил титул графа за службу в Сибири. Таким образом, удельный вес титулованной аристократии среди сибирских генерал-губернаторов был достаточно высок и составлял около 23%. Однако с двором были связаны немногие. Лишь Фредерикс и Муравьев имели свитское звание генерал-адъютанта, а Князев – придворное звание камергера. В остальных генерал-губернаторствах Азиатской России наблюдается примерно такая же картина. В Степных областях и Туркестане владельцев титула среди генерал-губернаторов не было совсем.

Подавляющее большинство генерал-губернаторов получило военное образование. Сохранившиеся формулярные и послужные списки свидетельствуют, что, как правило, они заканчивали кадетские корпуса, реже – специальные (артиллерийские, кавалерийские) училища, четыре человека – Вельяминов, Муравьев, Дюгамель, Игнатьев – были выпускниками привилегированного Пажеского корпуса, трое – Лавинский, Сулима, Горчаков – получили домашнее образование. Домашнее образование было распространено в дворянских семьях в XVIII – начале XIX в. К нему не следует относиться скептически, хотя, по мнению исследователей, оно уступало систематическому курсу гимназий. Немало зависело от подбора учителей и программы обучения, составлявшихся, как правило, индивидуально. Так, например, домашнее образование получил П.С. Мордвинов, ставший впоследствии одним из крупнейших экономистов Европы [4. С. 39].

К сожалению, национальный состав генерал-губернаторского корпуса не может быть проиллюстрирован, так как формулярные списки не содержат соответствующей графы. Сведения о вероисповедании не могут в

данном случае выступать в качестве критерия, поскольку они отнюдь не иллюстрируют связь между национальным происхождением и религиозными убеждениями. Тем не менее отметим, что подавляющее большинство генерал-губернаторов исповедовали православие. Другие конфессии, например католицизм, или лютеранство, представлены лишь отдельными личностями.

Значительный интерес представляют сведения об имущественном положении генерал-губернаторов. Однако лишь в единичных формулярных списках содержатся сведения о движимом и недвижимом имуществе, принадлежащем генерал-губернаторам на правах собственности. Поэтому для надежных выводов в данном случае нет основания. Однако не подлежит сомнению, что для большинства генерал-губернаторов единственным источником доходов была служба, что в XIX и, тем более, в начале XX в. не было редкостью. Тем не менее в нашем распоряжении имеются данные, позволяющие охарактеризовать источники доходов этих высокопоставленных слуг государства. Основанием для таких суждений являются штатные расписания, которые довольно точно фиксируют основные статьи расходов на содержание генерал-губернаторов, именные указы о назначении на должность, о персональных надбавках к денежным выплатам, иные документы. В Европейской России на первом месте по размерам бюджета были Санкт-Петербургское и Московское генерал-губернаторства. В среднем на одну штатную единицу там приходилось 1 700 руб. бюджетных ассигнований. В остальных генерал-губернаторствах этот показатель был значительно ниже. Следует также отметить, что во всех генерал-губернаторствах Азиатской России сметой предусматривалось от 5 000 до 10 000 руб. на экстраординарные расходы.

Штаты сибирских генерал-губернаторств были утверждены в 1822 г. одновременно с «Учреждением для управления Сибирских губерний». В Западной и Восточной Сибири штатное расписание, равно и оклады служащих, были примерно одинаковыми. Например, жалование советника Главного управления составляло 3 000 руб. в год, столоначальника – 1 500 руб., советник губернского правления получал 560 руб., а секретарь того же губернского правления – всего 280 руб. [5. Л. 2–3]. Доходы генерал-губернаторов складывались из жалования по должности, столовых сумм и ассигнований на разъезды. Квартирные деньги, обычные для большинства чиновников (деньги на наем жилого помещения), генерал-губернаторам не выплачивались, так как законом предусматривалось предоставлением им, как и гражданским и военным губернаторам, служебного помещения. В Иркутске резиденцией генерал-губернатора стал купленный казной в 1840 г. у купца Сибирякова особняк в стиле классицизма, расположенный на берегу Ангары и ставший впоследствии известным как «Белый дом». После перенесения столицы западносибирского генерал-губернаторства из Тобольска в

Омск в 50-х гг. XIX вв. был построен специальный дворец для генерал-губернатора. Необходимо сделать еще одно уточнение, касающееся статьи «жалование» генерал-губернатора. Она включала не только выплаты по должности и чину, размеры которого четко фиксировались законом, но и так называемое добавочное содержание, размеры которого были сугубо индивидуальны и, как правило, значительно превышали совокупные выплаты «по чину и должности».

В рассматриваемый период жалование сибирских генерал-губернаторов составляло 10 000 руб. в год, 12 000 руб. столовых и выплат на разъезды. Таким образом, законом совокупный годовой доход сибирского генерал-губернатора в конце первой четверти XIX в. определялся более чем в 22 000 тыс. руб. Это была весьма значительная сумма, многократно превышающая жалование подчиненных генерал-губернатора. В то же время следует отметить, что на практике жалование по должности и чину, столовые, другие выплаты были не единственными источниками денежных поступлений в бюджет генерал-губернатора. Весьма существенной его частью были разовые денежные «дотации», т.е. выплаты, связанные со вступлением в должность. В данном случае имеются в виду не деньги, выделяемые «на обзаведение» или «прогонные» (путевые расходы, связанные с переездом на новое место службы), а выкуп казной заложенного имения генерал-губернатора (если таковое имелось), оплата долгов, предоставление длительного беспроцентного кредита. Эта практика была весьма распространена в первой половине XIX в., но ее рецидивы можно наблюдать и в последующий период сибирской истории. В 1806 г. одной из важных «побудительных» причин согласия И.Б. Пестеля стать сибирским генерал-губернатором были большие долги, заставлявшие его «искать средства исправить свое состояние...». Надо сказать, что надежды Пестеля оправдались. При вступлении в должность ему «из казны было выдано 40 тыс. руб. на десять лет без залога и процентов...», которые и пошли на уплату долга [6. С. 374]. В 1837 г. В.Я. Руперту при назначении генерал-губернатором было пожаловано 10 000 руб. на уплату долгов и еще 10 000 для проезда в Иркутск [7. С. 45; 8. Л. 1–18]. М.С. Корсакову в 1861 г. при вступлении в должность генерал-губернатора Восточной Сибири одновременно «на обзаведение» из казны было выделено 10 000 руб. [7. С. 344]. Подобные выплаты имели место, как правило, в связи с назначением на должность «главного начальника края». Для всех остальных категорий служащих они были исключены.

Введенное «Сибирским учреждением» 1822 г. штатное расписание и равенство окладов генерал-губернаторов обеих частей Сибири было формальным и на практике соблюдалось только в первые годы. Впоследствии государство отказалось от этого принципа, введя дифференцированные надбавки, размер которых был сугубо индивидуален. А.И. Дюгамель,

будучи генерал-губернатором Западной Сибири в 1861–1866 гг., получал 18 000 руб. в год, а уже упоминавшемуся М.С. Корсакову (1861–1871) было решено платить существенно больше – 23 000 руб. Примерно такой же доход был и у предшественника Корсакова. Накануне отставки в 1861 г. жалование генерал-адъютанта, генерала от инфантерии генерал-губернатора графа Н.Н. Муравьева-Амурского складывалось из жалования по чину – 1 394 руб. 25 коп., жалования по званию генерал-губернатора – 2 802 руб., столовых – 3 396 руб. 72 коп., на разъезды – 1 715 руб. 40 коп. и прибавочных лично ему – 15 000 руб. Итого – 24 308 руб. 37 коп. [7. С. 226]. Оно вполне сопоставимо с жалованием его приемника на этом посту М.С. Корсакова с той лишь разницей, что последний при вступлении в должность имел чин генерал-майора. Жалование М.С. Корсакова составляло: по чину – 1 017 руб., по званию – 2 082 руб., столовых – 3 362 руб. 40 коп., добавочного содержания – 14 700 руб. и 1 715 руб. 40 коп. на разъезды. Таким образом, оно исчислялось почти в 23 000 руб. в год. К этому следует добавить, что в 1858 г. Корсакову за участие в присоединении Амура Александром II была пожалована пожизненная пенсия в 2 000 руб. в год. Таким образом, несмотря на определенные различия, размер жалования генерал-губернатора был весьма значительным и позволял даже при отсутствии имени вести достойный этой должности образ жизни и выполнять свойственные должности представительские обязанности.

О том, насколько высоко оценивало правительство труд генерал-губернатора, можно судить из сопоставления размеров жалования генерал-губернатора с жалованием гражданских и военных губернаторов сибирских губерний и областей. Возьмем для примера 1860–1870-е гг. В это время генерал-губернатор Западной Сибири А.П. Хрущов (1866–1875 гг.) получал следующее содержание: по званию генерал-губернатора – 10 000 руб., добавочное – 3 503, столовых – 2 802 и по званию командующего войсками – 1 356 руб. Итого – 17 661 руб. [9. С. 303]. Его коллега – генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков (1861–1871) – в этот же период получал жалование по чину – 1 356 руб., по званию генерал-губернатора – 2 802 руб., прибавочного содержания – 14 700 руб., на разъезды – 1 715 руб. 40 коп., столовых – 3 362 руб., пенсии – 2 000 руб. Итого – 25 935 руб. [9. С. 388]. Для сравнения приведем данные за тот же период времени по денежному содержанию их коллег губернского и областного уровня. В частности, Тобольский гражданский губернатор (1862–1867 гг.), действительный статский советник А.В. Виноградский получал всего 2 687 руб., в том числе: жалования – 1 400 руб., столовых – 600 и квартирных – 687 руб. [10. С. 336]. Томский гражданский губернатор (1868–1871), действительный статский советник Н.В. Родзянко, имевший знак отличия за

безупречную службу и бронзовую медаль в память войны 1853–1856 гг., получал существенно больше – 8 032 руб. (в том числе жалования и столовых по 1 716 руб., прибавочного – 2 000, арендных – 1 200 и квартирных – 120 руб.). У военного губернатора Забайкальской области и наказного атамана Забайкальского казачьего войска Н.П. Дитмара (1864–1874) оно составляло 4 000 рублей – по 2 000 жалования и столовых соответственно [11. С. 740].

В 1875 г. генерал-губернатор Западной Сибири Н.Г. Казнаков получал жалование в размере 20 158 руб., в том числе 3 000 руб. пенсии. В этот же период времени денежное содержание его коллеги из Восточной Сибири барона П.А. Фредерикса составляло 23 856 руб. При этом он не получал пенсии и добавочного жалования, однако ежемесячные выплаты ему по должности генерал-губернатора равнялись 19 000 руб. К этому добавлялись 1 356 руб. – жалование по чину и 3 500 – столовых [12. С. 316, 459]. Для сравнения: именным указом от 4 января 1885 г. А.П. Игнатьеву при вступлении в должность генерал-губернатора Восточной Сибири было назначено содержание в размере 19 000 руб. в год [13. Л. 2]. В то же время по штатам управления 1887 г. канцелярским чиновникам полагалось 900 руб. в год, а канцелярские служители довольствовались еще меньшим жалованием.

Таким образом, можно заключить, что разница годичного содержания высшей сибирской администрации и более низкого звена чиновничьего аппарата была весьма значительной, а подчас просто огромной. Следует отметить, что жалование представителей высшей сибирской администрации, как следует из приведенных выше данных, было весьма вариативным. Прежде всего, это замечание относится к персональным выплатам по должности генерал-губернатора. Можно предположить, что одними из определяющих факторов здесь являлись сложность и важность задач, которые предстояло решать тому или иному генерал-губернатору в своем крае.

Приведенные данные о генерал-губернаторах позволяют охарактеризовать эту высокопоставленную прослойку царских управленцев гораздо яснее и шире, чем это делалось до сих пор. Прежде всего, отметим, что по своим возрастным характеристикам это были вполне работоспособные, а не обремененные старческими недугами люди. Большинство из них до вступления в должность имели значительный опыт военной, а подчас и управленческой деятельности, что в глазах правительства служило залогом успешного выполнения стоящих перед ними задач. Уровень образования большинства генерал-губернаторов – кадетские корпуса – был типичным для крупных администраторов империи того времени. В Российском законодательстве XVIII в. наметилась, а в XIX в. усилилась тенденция к оформлению специальных норм, формирующих юридические основы государственной службы в Сибири. Базируясь на общеимперском законодательстве, орга-

низация генерал-губернаторской власти в Сибири в то же время основывалась на специально разработанных для данного региона законодательных актах, важнейшим из которых было «Сибирское учреждение» 1822 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX в. М., 1991.
2. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика самодержавия в первой половине XIX в. Омск, 1995.
3. Геденстром М.И. Отрывки из Сибири. СПб., 1830.
4. МIRONENKO С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX века. М., 1989.
5. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 10. Д. 81.
6. Бумаги Пестеля // Русский архив. 1875. № 4.
7. Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века. В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск, 1996.
8. Российский государственный исторический архив. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 1845.
9. Список генералам по старшинству. СПб., 1867.
10. Список гражданским чинам IV класса. СПб., 1859.
11. Список генералам по старшинству. СПб., 1866.
12. Список генералам по старшинству. СПб., 1875.
13. ГАИО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 123.

Dameshek Lev. M., Dameshek Irina L. Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: levdameshek@gmail.com

SIBERIAN GENERAL-GOVERNORS: A SOCIAL PORTRAIT.

Keywords: Siberia; governance; power; general-governors; social portrait.

The general transformation of the governmental system and the first regional reorganization by Peter the Great in particular led to the establishment of the Governor-General power as a political force. Being established in the capitals, within the first decades it was already spread to remote areas populated largely by non-Russians. This governmental system was based on the rationalist ideology of the police state which required a regulation of all aspects of public life. The further institutionalization of Governor-Generals' power was accomplished in the second half of the XVIIIth century within the framework of the province reorganization by the Empress Catherine the Great. To govern the provinces, the corps of State Governors or Governors-General was established to whom the governors of the provinces, i. e. Governors, reported directly. 2 or 3 provinces were under the State Governor's jurisdiction whereas the whole territory of the country was divided into 20 regions ruled by Governors-General. Under Governor-General's authority were the most important institutions of the governorship: criminal, civil, treasury chambers. He was responsible for the arrangement of state taxes, recruitment, etc. The Governor-General of a boundary territory was held responsible for frontier problems. A candidate for the Governor-General's position was usually well known to the Emperor personally, he had to prove his political loyalty and dedication to the ideals of the monarchy. Priority was assigned to the candidate's service record. The Governor-General was none other than a representative of the Emperor in a particular area, who carried on the Emperor's policy and ideology. This state of affairs did not change for two hundred years of the Governor-Generals' power. Once the institute of Governors (later Governors-General) was established, the Governors-General of boundary territories performed some specific duties caused by peculiarities of economic development and geopolitical situation. The power of Governors-General was administrative during the reformations by Peter the Great whereas at the beginning of the period of "great reforms" it was politicized. From 1822 to 1887 in the Governorates General of Eastern Siberia (from 1887 to 1917 in Irkutsk) 19 candidates were appointed to the position of Governor-General and in the Governorates General of Western Siberia (1822–1882) 9 candidates were appointed to the position of Governor-General.

REFERENCES

1. Shumilov M.M. *Mestnoe upravlenie i tsentral'naya vlast' v Rossii v 50-kh – nachale 80-kh gg. XIX v.* [Local authorities and the central government in Russia in the 50-s – early 80-s of the 19th century]. Moscow: Prometey Publ., 1991. 218 p.
2. Remnev A.V., Tolochko A.P. *Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaya politika samoderzhaviya v pervoy polovine XIX v.* [Autocracy and Siberia. Administrative policy of the autocracy in the first half of the 19th century]. Omsk: Omsk State University Publ., 1995. 251 p.
3. Hedenström M. M. *Otryvki o Sibiri* [Excerpta about Siberia]. St. Petersburg., 1830.
4. Mironenko S.V. *Samoderzhavie i reformy. Politicheskaya bor'ba v Rossii v nachale XIX veka* [Autocracy and reforms. The political struggle in Russia in the early 19th century]. Moscow: Nauka Publ., 1989. 240 p.
5. The State Archives of Irkutsk Region (GAIO). Fund 24. List 10. File 81. (In Russian).
6. Bumagi Pestelya [Pestel's Papers]. *Russkiy arkhiv*, 1875, no. 4.
7. Matkhanova N.P. *General-gubernatory Vostochnoy Sibiri serediny XIX veka. V.Ya. Rupert, N.N. Murav'ev-Amurskiy, M.S. Korsakov* [Governor-Generals of Eastern Siberia in the mid 19th century. V.Ya. Rupert, N.N. Muravyov-Amurky, M.S. Korsakov]. Novosibirsk: SB RAS Publ., 1996. 425 p.
8. The Russian State Historical Archive [RGIA]. Fund 1349. List 4. File 1845. (In Russian).
9. *Spisok generalam po starshinstvu* [The list of Generals in order of precedence]. St. Petersburg, 1867.
10. *Spisok grazhdanskim chinam IV klassa* [The list of Class IV civil ranks]. St. Petersburg, 1859.
11. *Spisok generalam po starshinstvu* [The list of Generals in order of precedence]. St. Petersburg, 1866.
12. *Spisok generalam po starshinstvu* [The list of Generals in order of precedence]. St. Petersburg, 1875.
13. The State Archives of Irkutsk Region (GAIO). Fund 24. List 12. File 123.